

Скажите, вы сейчас любите?

"Началась и потекла со страшной быстротою густая, пестрая, невообразимо странная жизнь. Она вспоминается мне как суровая сказка, хорошо рассказанная добрым, но мучительно правдивым гением. Теперь, оживляя прошлое, я сам порою с трудом верю, что все было именно так."

(М. Горький "Детство")

О Башлачеве писать трудно. Потому что для одних его имя просто ничего не значит, и как бы ты тут не распинаясь- этим людям будет неинтересно читать о малоизвестном. Другие- слишком много знают о Саше, и для них ты не откроешь ничего нового. Тем не менее, надо пробовать. Просто потому, что его должны помнить.

Он привлекает внимание очень многих. О нем грезил в свое время сопливые подростки в банданах, им до зависти в скулах восхищались именитые отечественные рокеры. О нем писали и пишут статьи филологи, которые никого, кроме Пушкина и Лермонтова не жалуют. А у него всего ничего- около 60 песен, написанных за два неполных года. И смерть в 27 лет.

Сейчас наблюдается какая-то нездоровая истерика вокруг его имени. Поспешно, благими намерениями, ему устилают дорогу на пьедестал. Уже проводятся концерты его памяти, в Череповце, на родине- создается музей. Малолетние ребята буквально молятся на его могилу... А ведь он меньше всего хотел быть богом. Исчезает образ настоящего Саши, и появляется некий пелевинский мардонг.

Такого мощного до-языкового, языческого и одновременно сегодняшнего (!) поэта еще не было. Сам Сашбаш в одном из интервью назвал русскую песенную традицию "гениальной полудикой язычницей", которую музыкант должен оплодотворить здоровым семенем собственного творческого потенциала. От этого и только этого союза получаются настоящие стихи. У него получались.

Башлачев- из ряда тех поэтов, мир которых целостен. Таким был, к примеру, Пушкин. Сашбаш не мог видеть свое существование в рамках одного отдельно взятого тела. Одной страны, или одного мира. Он видел сразу все- как будто летел над землею. У стихов, любых- есть свой мир. У кого-то он предельно сужен- так возникает депрессивная полуподвальная, полубогемная лирика современности, или вселенная тихих садовых уголков Фета, Тютчева. У кого-то- бесконечно широкий мир, так широк Пушкин, настолько широк- что кажется некоторым поверхностным. Мир каждого поэта возможно изобразить графически. Башлачевский мир - трудно. Это узкий, душный и тяжелый свет. Это землянка. Но эта землянка внутри- не имеет стен и светла по-зимнему. Все, что существует- то сворачивается до размера черной шали и яичка кощева- а то раскрывается до огромной страны. Тут важно понять, что хотел сказать Саша- в "Егоркиной былине" он говорит о душе человека, именуемого русским: "Нараспашку заключенная". Это предельно замкнутый на себе пространство. Но именно эта замкнутость позволяет раскрыться человеку в целый мир:

Лишь печаль-тоска облаками

Над седой лесною странною

Города цветут синяками

Да деревни сыпью чумною

Образ земли в язычестве- всегда чист и непорочен. Земля не оскверняет, она защищает и очищает. У Башлачева- земля заражена человеком. Седая страна на исходе века страдает болячками. Башлачев соединяет древние язычески времена с современностью- и сквозь косметику веко проступают азиатские скулы, кости, корни. Синяки и сыпь- это наносное, это пройдет. А изменить остов, разрез глаз, упрямые горы бровей, равнины лба, взмах груди -нельзя. Башлачев имел зрение первобытного человека- детали стертые, ты можешь увидеть даже земной шар. Так глядят дети. Ясным и подслеповатым взором.

Как только ты перестаешь разглядывать "косметику", начинается изменение мира.

Исчезают ориентиры, расставленные нашим, "нормальным" сознанием. Начинаются превращения с точностью до наоборот. Предельно сжатая в комок душа- это своего рода- черная дыра. Башлачев сам о этом говорил:

Я вижу черные дыры, холодный свет, черные дыры

Смотри, от нас остались черные дыры

Нас больше нет, лишь только черные дыры

Черные дыры.

Черные дыры- ох да паралельного мира..

С черными дырами- параллельно идет образ зеркала. Зеркало- это поэт. Это просто человек. Точно такой же как ты, но- обратный. Поэт- это зеркало, в которое смотрится Бог:

Ведь Бог, он не врет, разбивая свои зеркала...

(На жизнь поэтов)

А Бог- это сам человек. Так замыкается круг. Так человек должен будет когда-то увидеть самого себя. Страшный суд только тем и страшен, что никто другой кроме тебя самого не сможет вынести твой приговор:

Вместо икон станут страшным судом- по себе нас судить зеркала...

(Имя Имен)

Если забредет кто нездешний

Поразится живности бедной

Нашей редкой силе сердешной

Да дури нашей злой, заповедной...

Эта сила "сердешная" неременный спутник злобы. Они неразрывны и не существуют друг без друга. Башлачев понимал это лучше, чем каждый из нас. Всем миром- в тюрьму души. У каждого- есть что сказать, но никто не может:

Что внутри? По- прежнему тесно

А снаружи? Все еще пусто...

Душа разрывается, просит петь- а песни не получается. Делают все, что угодно: жрут капусту, дерутся по праздникам и будням, верят в Магомета и Иисуса, строят светлое будущее, сидят без места, пекут без теста, хохочут без смысла, вечером пьют, утром- всем миром идут на речку топится. Бессмыслица жизни оборачивается каким-то дьявольским смыслом- сумасшествие тоже имеет свою железную логику. Всеобщее помешательство логичнее разумности одного. Черная ночь помешательства оборачивается по Горькому чем-то ужасающим, но по- большому привлекательным: "... как было, и многое хочется оспорить, отвергнуть, - слишком обильна жестокостью темная жизнь "неумного племени" :

Позабыв откуда, скачем кто куда

Ставили на чудо- выпала беда...

"Но правда выше жалости, и ведь не про себя я рассказываю, а про тот тесный, жуткий круг впечатлений, в котором жил, - да и по сей день живет, - простой русский человек"

Башлачев умел видеть предметы так, как требовало того современное постмодернистское сознание. Черт его знает, но так уж ли случайны все эти превращения предметов у Кортасара в "Выигрышах" и русского поэта Саши Башлачева в "Зимней сказке"?

Я опять на краю

Знаменитых вологоданьских лесов

Как эскадра в строю

Проплывают корабли деревень

И печные дымы-

Столбовые мачты без парусов...

(Зимняя сказка, 1984)

Так дома превращаются в корабли, а земля- в океан. Эту песню Башлачев не пел, а проговаривал в особом ритме, словно читал заговор, все время наращивая темп. Создавалось впечатление древнего языческого обряда, в котором ритмика произношения совпадала с ритмикой тела. Замороженная Россия плывет в Вечность как корабль. Плывет ровно до утра. А утро не наступит никогда. Потому что судно- толи Корабль Дураков, толи погребальная ладья. И все-таки- это Корабль.

Свершаются нищенские, темные и нехорошие дела: хоронят мертвых, бродит зверье. Песня- вой кобелей. Она рифмуется со словами: "крик", "стон", "плач". Вдруг- эти чудные превращения в башлачевском мире постоянно- корабль- страна становится дорогой. Автор за ночь делает богатырский шаг- от Москвы до самых закоулков России. Мифически путь героя из центра мироздания на окраину:

Я всю ночь на бегу

Я непрочь и подремать

Но когда я спокойно усну

Тихо тронется весь лед в этом мире...

Получается, что за утро, до которого плыть кораблю приходится платить жизнью. Он не дожидается утра только потому, что его собственная смерть разбудит утро.

А иначе- глухая тоска. Землянка. Лихачев утверждал, что в Древней Руси слово "Тоска" означало "Теснота, лишение пространства". "Душа тоскует!" - это башлачевское слово. Единственный путь- разорвать грудную клетку, выпустить душу на свободу, пусть даже ценою жизни:

Эх, налеп посошок, да зашей мне мешок

На строку- по стежку, а на слова- по два шва

И пусть сырая метель мелко вьет канитель

И пеньковую пряжу плетет в кружева

Образ веревки- синоним запутанности жизненного пути. Холодные и лживые кружева пути человека, которые свиваются в конце в пеньковую петлю.

Отпевайте немых! А я уж сам отпою

А ты меня не щади, срежь ударом копья

Но гляди- на груди повело полынью

Расцарапав края, бьется в ране ладья

К кому он обращается ? К Богу? А может, к солдату, проткнувшему грудь Иисуса? Приказывает разрубить себе грудь. Почему приказ? А это особенная, возвращенная в русских лесах и равнинах форма свободы, называемая волей. "Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Чем отличается воля от свободы? Тем, что воля- вольная соединена еще и с простором, ничем не преграждаемым пространством" (Д.С. Лихачев). И с титаническим усилием- быть свободным. Ладья - символ погребального обряда. У Башлачева- человек сам ладья, а его кровь- река.

Интересно, но главное башлачевкое- "тоска" неосознанно рифмуется и сливается смыслом с другим важным для него словом- "тесто":

Тяни, там где тяжко

Прорвется в затычку весна...

Собрать с неба звезды пречистой рекою

Смолоть из мукою

И тесто для всех замесить...

Эти два слова и по корням близки - "Тоска" означает "тяжелое или трудное положение, теснота". А "тесто" - первоначально "что-то тесное, смешанное, затисканное". От тоски до тесноты один шаг, от тоски до теста- другой. Тесто для Башлачева- это то, что дано каждому человеку. Только не у каждого хватит сил испечь хлеб. То есть по-настоящему прожить жизнь. Кто-то навсегда останется "тестом" и закиснет... Здесь человек сам становится творцом. Помнится, создатель вылепил человека из грязи. "Тесто" тоже первоначально означало грязь. Для Башлачева грязь- это магия. Это человек сегодняшний:

На песке расплзлись

И червями слились

Мысли, волосы и нервы...

Невылепленный человек, на которого не осталось Бога. Потому он должен сам. Сам создать себя из грязи. Этот акт творения уже богоборческий- "из праха вышел, в прах и возвратишься...". Человек Сашбаша верит, что он может наплевать на смерть, так как он больше не творение. Он- творец и творение одновременно. Отсюда- вера Башлачева в то, что каждому дано спасение и не надо его вымалывать. Оно рядом, в душе: "А ты должен ее слушать, она тебе все скажет, даст силы любовью. Твоей же любовью. Чем больше ты отдаешь

ей, тем больше будет даваться тебе. Чтоб больше отдавал...Что такое женщина? Это один из языков, на котором с нами говорит Мировая душа... Она с нами говорит самыми разными приметам, все сообщает и ничего лишнего... " (из интервью 1986г)

У Башлачева было огромное количество полунаучных, полуинтуитивных, полурелигиозных теорий. Если бы он хотел, он мог бы создать тотальную секту- настолько сильно было его воображение и магическое воздействие на людей. Он умел завораживать своими теориями. Одна из таких теорий- О Имени Имен, проторелигии. Башлачев верил в магию Слова. Каждое слово для него несло смысл полноточный, индивидуальный и самодостаточный. То есть- в каждом слове был мир, одинокий и одновременно связанный с другими мирами. Многие удивлялись, как он мог находить совершенно потерянные этимологические связи между словами. Он чувствовал корни интуитивно. Ни один ученый, например, не признает, что Русь и русло, речь- однокоренные. А Башлачев это чувствовал:

Я не знал, где искать Россию

А Россия есть "росс" и "ты"

Что может быть проще? Эта гениальная догадка полностью совпадает с непонятным словом "русский". Ведь другие национальности всегда выражаются существительными. А "русский" - субстантивированное прилагательное. И должно иметь при себе определяемое слово. так вот- к каждому "русский" и "росс" есть определяющее- "я". Русского человека создает не менталитет и обстановка, не национальность, а душа- она и есть то самое "я" - всеобъемлющее местоимение, включающее мировую душу.

Слово для Башлачева- это загадка. Причем и для него самого. Он говорил, что песни приходили к нему как наитие. Он записывал их на отдельных листах, не успевая за своими мыслями. Часто во сне к нему являлась девушка, от которой шли стихи. Он и не понимал, как они появляются. Смысл метафор ему самому становился ясен много позже- иногда через несколько месяцев после написания. Он признавался, что некоторые свои песни он так и не понял до конца. Бог, язык, народ- однокоренные слова в философии Башлачева. Слово есть сопряжение божественного и человеческого: "Я на уровне синтаксиса как-то уже перестал мыслить, я мыслю (если это можно так назвать) на уровне морфологии- корней, суффиксов, приставок. Все происходит из корня, понимаешь?... существует Имя Имен... Это Имя Имен можно представить как некий корень, которым является буддизм, суффиксом у него является ислам, окончание- христианство, а приставками- идишь, ересь и современный модерн. Понимаешь? Я вот так примерно мыслю на уровне морфем. Это только кажется, что существует контекст слов, на самом деле существует контекст морфем." (из интервью журналу РИО).

Имя Имен- сам Господь верит только в него...

Слово для Башлачева- религия, истинная, первородная. Он называл ее Имя имен. Дать имя- значит дать жизнь. Имя имен- первое слово на земле, которое и создало мир:

Имя Имен в первом вопле признаешь ли ты, повитуха?

Имя Имен... Так чего ж мы, смешав языки, мутим воду в речах?

Врем испокон- вред за мелким ершом не водилось ни брюха, ни духа

Ветер да вечер, хотя лихом в омут глядит битый век на мечях.

Это стихотворение уже не прочитаешь просто так. Когда слушаешь его в первый раз, то ничего, абсолютно ничего не понимаешь. Оно написано так называемым полифоничным стихом. Разные люди будут воспринимать его по-разному. Это зависит и от культурных традиций и от уровня образования, даже от религиозных убеждений. От возраста. От восприятия мира. Оно похоже на огромную многомерную фигуру.

И каждый может видеть только одну из ее граней. А у ней есть еще много неразгаданного. То есть того, чего нам с нашими органами чувств и трехмерным миром пока не разглядеть. Повторяю, сам Башлачев не полностью понимал свои стихи. Видимо, он уже дошел до того уровня стихосложения, когда освобождаются некие подсознательные процессы, недоступные человеку в нормальном состоянии. Рассказывают, что когда он писал свои песни, он входил в своеобразный транс- раздевался, ползал голым перед микрофоном. Вполне возможно, что его стихотворения будут понятны представителям различных культур, более того- каждый будет находить в них присущие только его народу "метки". Рискну сказать, что стихи Башлачева выходят за грани национальности, отдельной культуры. Это уже Надкультурие. И загонять СашБаша в рамки "настоящего русского поэта" - некорректно. Поэт он настоящий. Но не русский. Больше. Хотя ясно- вернее он понимал русских. Потому что здесь вырос.

Стихи Башлачева- из разряда так называемых "бомб с часовым" механизмом. Борхес как-то говорил об особом типе произведения, которое раскрывается не сразу. Некоторые главы "Дон Кихота", например, смогут открыться только поколениями 22 века. При этом "Дон Кихот" не стареет. Каждая эпоха имеет "ключ" к его отдельным главам. То же самое и с Башлачевым. Многие замечали, что его стихи- непонятны. Особенно- последние. Это скорее шифровка, чем поэтический текст:

Имя Имен прозвенит золотыми ключами

Шабаш! Все гурьбою на башню!

Пала роса. Пала роса.

Да сходил бы ты по воду, мил человек!

Это последние строки "Имени Имен". Ясно- разговор о Вавилонской башне. Но что-то еще. Пока нам не понять. Это скрыто. Кроме того, Башлачев видел, ясно видел какие-то параллельные миры. Достаточно почитать его "Письма господина...". Потом, в стихах, он не проявлял этого знания, но сосредоточился на "седой лесной стороне" - России. Потому как понимал, не мог не понимать, что переться к истине через Мухосранск, пусть он даже красиво называется "Буддизм" или "коммунизм" - глупо. Россия- тут, под ногами. От нее и надо пить:

А время ловит нас во сне губами жадными

Время нас учит пить.

У него постоянно повторяется этот мотив- пить, напиться, жажда. Синоним познания, пути к истине. И одновременно- банальная пьянка. Как у Ванюши в поэме. Ведь хотел узнать, летать хотел, а попал- в кабак. Где и убили.

Два произведения Башлачева остаются как-то за рамками внимания слушателей. Это "Ванюша" и "Егоркина былина". Велик объем, даже не формальный, а содержательный. К обычному для Башлачева сложному лирическому тексту примыкает ткань повествования. Башлачев пробует написать по канонам древнерусской былины жизнь современного человека. Лихачев называл настрой древнерусской литературы, в основном- повествовательной "лирикой предчувствий". Там, где она смыкается с фольклором, напряжение ожидания достигает наибольшей силы. Именно так написаны "Ванюша" и "Егоркина былина".

В "Егоркиной былине" Саша почти не поет: надрывные, плачущие ноты сменяются бисерным шепотом, Потом- размах, по-цыгански рваный. Одним голосом и гитарой Саша пытался создать то, о чем мечтал: гармонь, электрогитары, военный оркестр, раскаты грома. былина темной русской жизни. Голос дрожит, гитара затаилась, никаких спецэффектов, а от голоса страшно, от мучительных пауз. Простота изложения рождает химеру ужаса. Фабула до предела проста- русский богатырь Егор Ермолаевич, накопил богатства и на пиру хвастается им перед гостями. А где-то в углу валяется дрань- фуфаячка. На поверку оказывающаяся душой:

То не просто рвань

Не фуфаячка

То душа моя несурзкая...

И как это положено, на при является старуха, предлагая продать рваную душу за новый мундир. А ноги обернуть дорогой шалью, вышитой мелким крестиком. Тут интересна шаль. Еще в самом начале "Егоркиной былины"- Егор стоит на площади торговой и покупает шаль у цыганки. На шали вышита вся судьба Егорушки. Вдруг Егор оказывается на пиру, куда и приходит старуха все с той же шалью. Шаль в повествовании- само повествование. Это и есть полифоничность Башлачева. Шаль- и сама Русь. Неслучайно она- к ногам героя, как земля- силы дает. Но и тянет в землю, к смерти. Вышита мелким крестиком- вся крестах. От умерших богатырей. Она- путь и исход героя- ее можно сжать в руке как простую тряпку, в ней можно утонуть. Шаль- Русь. Желаете- купи. А нет денег- бери за так. Башлачев играет с пространством: шаль разрастается до размеров мира и сворачивается до кусочка ткани.

Башлачев часто говорил о любви. Странно, никогда не говорил одинаково. Не получалось у него это пошло и надуманно. В каждой песне- свое слово про любовь. И почему-то хочется слушать его до бесконечности. "Любое чувство замешано на любви, и тот же страх. Любое чувство так или иначе представляет собой ту или иную форму любви. Ненависть- это просто оскорбленная любовь. И нужно петь песни о любви, о любви к жизни... ты должен заразить своей любовью людей, дать понять людям, плохим людям, что они тоже хорошие, только еще не знают об этом... Все, что сделано без любви, не нужно жизни... И поэтому мне не нужны песни, в которых я не слышу любви.. Не существует чистой любви во плоти. Любовь, скажем, как тональность. Если задавать как тональность любовь, взять некую ноту- любовь, которая будет единственно верной и определяющей нотой, то все, что вокруг нее- жизнь..." (1986 год. магнитофонное интервью).

Юлия Сергеева

02.07.2001